

АЗНАБАЕВ Булат Ахмерович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д.32; azbulatti@rambler.ru)

АХМАДИЕВА Диана Фануровна – магистрант 2 года обучения по направлению «История» Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д.32; akhmadieva_dianka@mail.ru)

ФОРМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМДЕЙСТВИЯ В УФИМСКОМ УЕЗДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII в. (по материалам Приказного делопроизводства)

Аннотация. Уфимский уезд второй половины XVII – начала XVIII в. – был открыт для миграционных потоков. Этническое и конфессиональное многообразие региона обуславливалось добровольным характером российского подданства башкир. К началу XVIII в. на башкирских землях поселились 11 этносов, относящихся к тюркским, монгольским, финно-угорским, славянским языковым семьям, исповадовавшим христианство, ислам, буддизм и язычество. Анализ различных форм межэтнической коммуникации показывает, что привычные маркеры этнической идентичности не играли большой роли в ассимиляционных или интеграционных процессах в регионе.

Ключевые слова: Уфимский уезд XVII в., маркеры этнической идентичности, этническое взаимодействие

Уфимский уезд второй половины XVII – начала XVIII в. представлял собой уникальный в этническом и конфессиональном отношении регион Российского государства. Добровольный характер российского подданства гарантировал башкирам вотчинные права на занимаемые земли и невмешательство в дела их вероисповедания со стороны государства. Последнее условие распространялось не только на коренное население уезда, но и на всех, кто поселялся на башкирских вотчинных землях. Именно по этой причине в Уфимский уезд устремляются не только мусульмане (казанские татары и мишари), ставшие объектом христианизаторской политики государства, но и убежденные язычники (мари, удмурты, чуваша, мордва). К этим народам, следует добавить группы ногайцев, оставшиеся в Уфимском уезде после ухода на юг основной части населения Ногайской орды. С конца XVI в. в Уфимском уезде возникают дворцовые села и помещичьи деревни с русским и новокрещенским населением. В значительной степени этническое и конфессиональное многообразие населения Уфимского уезда было обусловлено его особым военно-административным статусом. Будучи юго-восточной окраиной государства, Уфимский уезд, тем не менее, не вошел в организованную в 70-е гг. XVI в. общероссийскую систему охраны южных границ. Закамская укрепленная черта, строительство которой завершилось в середине XVII в., должна была защитить от кочевников земледельческое население Среднего Поволжья. Уфимский уезд фактически становился буферной зоной, охрана которой была возложена на башкирских тарханов и племенное ополчение. В результате территория уезда была открыта для заселения не только с севера и запада, но с юга и востока. С конца 20-х гг. XVII в. южные и юго-восточные степи уезда заняли калмыки, массово переходящие в буддизм. В конце XVII в. к южным границам башкирских земель вплотную подходят кочевья казахов Младшего

Жуза и аральских каракалпаков. Они приняли активное участие в башкирских восстаниях начала XVIII в.

На территории Уфимского уезда второй половины XVII – начала XVIII в. наблюдается все разнообразие форм межэтнического взаимодействия от ассимиляции, аккультурации и интеграции до межэтнических конфликтов. В данной статье мы попытаемся выяснить, какие именно этнические признаки определяли направление этого взаимодействия. Поскольку утвердившиеся в науке определения этноса, так или иначе, связываются с языком, представлением об общем происхождении, религией и этническим самосознанием [Широкогоров 2001: 6; Вебер 2016: 374; Бромлей 1983: 150], то логичнее начать именно с этих этнических маркеров.

В XVII – начале XVIII в. на территории Южного Урала обитали шесть народов, говорящих на тюркском языке кыпчакской группы: башкиры, татары, мишари, ногайцы, казахи и каракалпаки. При этом, как отмечает О.А. Мудрак, наиболее близкими являлись башкирский и татарский языки. На сегодняшний день число схождений в этих языках составляет 81 % [Мудрак, Хисаметдинова 2017: 52]. В XVI-XVII вв. этот показатель был еще более значительным, поскольку, по мнению филологов, распад Ногайской орды в конце XVI в. вызвал усиление расхождения в языках башкир и татар. В этот период в башкирском языке формируется диалект (северо-западный), который в XVII-XVIII вв. был намного ближе к татарскому языку, нежели восточному диалекту самого башкирского языка. Однако О.А. Мудрак указывает и на близость языков всех кочевых и полукочевых народов региона: «В кыпчакских языках представлен значительный подскок процентов совпадений башкирского языка и его диалектов с казахским, каракалпакским и ногайским» [Мудрак, Хисаметдинова 2017: 54]. Добавим, что у башкир, татар, ногайцев и казахов был общий литературный язык «тюрки». Судя по документам официального делопроизводства Уфы XVII – начала XVIII в., башкирские толмачи пишут памяти и отписки «по-татарски», челобитные башкир составляются на «татарском языке»¹.

Тем не менее, в бытовом общении башкиры и татары языки свои вполне различали. В 1679 г. крестьянин Аяцкой слободы Фрол Арапов информировал власти о настроениях башкир в Кунгурском уезде. Встреченные им башкиры открыто заявили ему о своем намерении «воевать великого государя города Кунгур и сибирские слободы». Они предупредили Фрола Арапова, чтобы он «из Аяцкой слободы ехал вон потому, что он-де Фрол им-де родня, а он татарский и башкирский языки знает»². Примечательно то, что в описываемой ситуации башкиры сознательно пошли на риск раскрытия их замысла, предупредив русского человека о готовящемся нападении, только на том основании, что он «им-де родня», так как знает башкирский и татарский языки.

Другой пример демонстрирует, что язык мог стать основным указателем на этническую принадлежность. В 1661 г. татарин Катайского острога Чумай Келмеев информировал администрацию о намерениях башкир напасть на Катайский острог и Долматов монастырь. Узнать о планах восставших Кемею

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1173. Оп. I. Д.196. Л. 1-5; Д.196. Л. 1-5.

² Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: В типографии II отделения собственной Е.И.В. канцелярии. 1875. Т. VIII. С. 39.

удалось благодаря тому, что башкирам он представился русским, а «татарский язык потаил»¹.

Таким образом, обитающие в Уфимском уезде XVII – начале XVIII в. башкиры, татары, ногаи, каракалпаки, мишари и казахи говорили на языках, сходство которых было очень значительным, а различия могли вполне уложиться в рамки диалектных особенностей. К примеру, язык северо-западных башкир был гораздо ближе к татарскому языку, нежели к куваканскому говору восточных башкир. По этой причине в среде тюркских народов края язык в качестве маркера этнической идентичности не выполнял своего главного предназначения.

Что касается нетюркских народов края (русских, калмыков, марийцев и удмуртов), то нельзя сказать, что различие в языках формировало непреодолимую дихотомию «свой – чужой». Согласно концепции Леви-Стросса: «По отношению к чужому допустимы неприемлемые для своих действия и поступки, во взаимоотношениях с чужим действуют иные нормы» [Леви-Стросс 1994: 27]. Примеры башкирских восстаний XVII-XVIII вв. и башкиро-калмыцких столкновений свидетельствуют, что в отношении противников действовали определенные правила ведения войны. К примеру, в 1633 г., находясь на зимней промысловой охоте, один башкир случайно убил калмыцкого подростка. Как было сказано в документе «Посольского приказа»: «...а тот малый был не боец». Виновник инцидента обязался выплатить выкуп родителям убитого калмыка, что вполне удовлетворило калмыцкую сторону². Таким образом, в ходе башкиро-калмыцкой войны обе воюющие стороны воздерживались от применения насилия в отношении населения, неспособного себя защитить. Аналогичных принципов придерживались противоборствующие стороны во время башкирских восстаний до 1735 г. «Башкиры, – отмечает, В.Н. Татищев, – называли «свои бунты войнами, а отпущение вин – миром»³. Представление башкир XVII – XVIII вв. о враге декриминализовано, и вчерашний враг сегодня мог стать союзником. Именно по этой причине наибольшее возмущение у башкир вызывали случаи нарушения конвенциональных правил ведения войны. В 1696 г. около Яицкого городка расположились 200 семей башкир, намеревавшихся получить прощение властей и вернуться на родину после восстания 1682 г. Проиригнорировав предупреждение уфимской администрации, казаки напали на башкир. Уфимская администрация потребовала вернуть родственникам хотя бы жен, детей и имущество убитых башкир. Казаки ответили отказом, поскольку «башкирские жены и дети побиты на том бою» [Карпов 1911: 325]. После этого события башкиры, нарушив подданническую присягу России, заключили с казаками военный союз, направленный против яицких казаков.

Вера в общее происхождение имеет фундаментальное значение в контексте этнической идентичности. Действительно, еще в XVIII в. у башкир имелись генеалогические истории, в которых утверждалось, что башкиры, татары, мишари и ногаи имели общего прародителя. Так, в шежере Кинзи Арсланова, одного из предводителей башкир восстания Е.И. Пугачева, отмечено, что его род ведет происхождение от братьев Ногая, Иштяка, Татара и Мишара [Кузеев 1991: 39]. В данном сообщении обращает на себя внимание, что «иштяк» – экзоэтноним, которым башкир называли ногаи и казахи.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.-Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. С. 159.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. Д. 1633. Л. 5.

³ Там же. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230.

Вместе с тем, башкиры вполне осознавали свое родство с более отдаленными тюркскими народами. Перед восстанием 1682 г. до российской администрации дошли сведения о том, что «башкирцы говорили меж собой, что-де твой великого государя город Чигирин турские и крымские люди взяли и твоих великого государя людей побили, а оне потому и будут воевать, что их одна душа и родня, а они турские и крымские станут биться, а они башкирцы и татары здесь будут биться»¹.

Являлось ли для башкир осознание общности происхождения с другими тюркскими народами основанием для формирования политической идентичности, т.е., по определению К. Шмитта, критерием для различения врага и друга [Шмитт 2016: 252]. Вышеприведенный фрагмент как будто дает основания для положительного ответа. Однако реальные события опровергают достоверность подобных деклараций. В 1696 г., т.е. спустя 14 лет после изложенных событий, башкиры охотно приняли участие в военных действиях под Азовом. Они сыграли ключевую роль в сдерживании крымских татар и ногайцев, нападавших на позиции русских войск. Башкиры и казаки не позволили наладить связь между осажденными и турецкими войсками, пытавшихся деблокировать осажденную крепость. За личное мужество 62 башкира получили тарханское звание [Рахимов 2014: 40].

Генеалогические мифы об общем происхождении не мешали башкирам отрицательно относиться к заключению браков с ногайцами. Башкирский эпос «Таргын и Курак» повествует о том, что башкиры чурались брачных и любых других союзов с ногайцами, считая подобную близость позорной для рода [Киреев 1970: 70].

В 1643 г. группа из 1300 «алтаулских» ногайцев во главе с мурзой Султаном обратилась к уфимской администрации с просьбой о подданстве, что предполагало поселение в Уфимском уезде. Воевода М.М. Бутурлин обратился к башкирам Курки-Табынской волости Сибирской дороги, Минской и Кудейской волостей Ногайской дороги, Киргизской и Гирейской волости Казанской дороги с запросом: «...буде он Салтан мурза с улусными людьми, обнадежась на государственную милость, придут кочевать в башкирские волости не будут ли от них башкирцам ...какого утеснения и налога». В конечном счете, именно на основании ответа башкир ногайцам в их просьбе было отказано².

Одним из критериев идентичности, в том числе и этнической, является конфессиональная принадлежность. Однако все 6 тюркских народов, обитающих на территории края, исповедовали один и тот же суннитский ислам ханафитского мазхаба. Для урегулирования спорных вопросов башкиры, татары и мишари нередко собирали третейские шариатские суды³. Татары, ногайцы и башкиры чтити захоронения суфийских святых [Идиатуллоев 2018: 90]. В XVII-XVIII в. на территории Башкирии исламизировалось пришлое языческое население. В 1743 г. И.К. Кирилов в своем докладе о состоянии дел в Уфимской провинции отметил, что перевод в ислам язычников приобрел массовый характер⁴.

Тем не менее, мусульманское вероисповедание являлось необходимым, но далеко не достаточным условием включения в башкирскую родовую струк-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.-Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. С. 159.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. 1644. Оп.1. Д. 1. Л. 27.

³ Там же. Ф. 1173. Оп.1. Д. 128.

⁴ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа: Китап, 2002. Т. VI. С. 100.

туру. И, напротив, переход башкира в другую религию, не означал окончательного разрыва отношений с общинными институтами. В 1639 г. на башкир Усерганской волости подали судебный иск казанские новокрещены и ясачные татары. Суть обвинения заключалась в захвате родовой вотчинной земли, которая принадлежала деду истцов — башкиру Уфимского уезда Усерганской волости. Предъявив свои родословные росписи, казанские новокрещены и татары легко убедили не только администрацию, но и самих башкир-вотчинников в своем праве на родовую землю¹. Таким образом, даже, перейдя в другое сословие и другую религию, можно было остаться членом башкирской родовой структуры, пользуясь всеми правами вотчинников.

Любопытно, что в XVII в. уфимские толмачи и приказные люди вполне уверенно могли отличить «по обличью» не только башкир от калмыков, но и башкир от ногайцев. Приведем один такой пример из дипломатической практики. В 1660 г. в Уфу прибыла представительная делегация от калмыцкого тайши Мазика во главе с Мамытом Алдарбакшиным. Калмыки намеревались найти своих соотечественников в Уфимском уезде, поэтому привели с собой 162 пленных разных полов и возрастов, в числе которых были русские, казанские татары, марийцы и башкиры. При размене пленных возникла заминка, поскольку среди представленного калмыками ясыря было много детей, не помнящих своего родного языка, «...себе имени, отцу и которого города они уроженцы, и сколь давно и какие люди в полон их взяли». Идентификация русских детей не заняла много времени, а вот в случае «башкирскими детьми» уфимские администраторы взяли почти двухдневную паузу. Мамыт Алдарбакшин представил группу из 10 детей возрастом от 5 до 10 лет, якобы захваченных в плен в разные годы. Ни один из них не помнил своих родителей, время и место своего пленения. К тому же, все они говорили только на калмыцком языке. В итоге уфимская администрация отказалась обменивать этих детей на калмыцких пленных, заявив Алдарбакшину: «...а по обличью, знать, они прямые ногайские люди, а не башкирские и не чувашские». Калмыков же предупредили, что размен предполагался только на «русский и на башкирский и чувашский и черемисский, а не ногайский полон»². Обратим внимание и на то, что администраторы вполне отдают себе отчет, что ногайцы отличаются от башкир, а последние не похожи «на чуваш» (в данном случае казанских татар). Таким образом, утверждение о том, «ногайцы» — не этноним, а «политоним, под ним следует рассматривать все население Ногайской орды» [Исхаков 2002: 141 – 148] представляется умозрительным. Тем не менее, необходимость идентифицировать башкир, ногайцев, казанских татар по внешним признакам — скорее единичная вынужденная мера в необычной ситуации, нежели повседневная практика уфимской администрации. Дело в том, что уже к середине XVII в. среди башкир были зафиксированы не только выходцы из ногайцев, татар и калмыков, но и сартов (узбеки), русских и даже этнических немцев³.

В последних исследованиях, посвященных этническим процессам на Южном Урале XVII – XVIII в., все чаще используется понятие «тюрки». Однако понимают под тюнками не языковое сообщество, а якобы, реальный этнический субстрат, сохранившийся со времен каганатов. Во второй половине XVI – начале XVII в. этот тюркский этнос под воздействием политики российского

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1173. Оп.1. Д. 94. Л.3.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. 1660. Оп.1. Д. 1. Л. 67.

³ Там же. Ф. 1173. Оп. 3. Д. 109.

правительства начинает разделяться на сословные группы, каждой из которых было уготовано свое историческое предназначение. Р.С. Хакимов утверждает, что башкир – сословие, созданное на основе тюркского населения Южного Урала, прежде входившего в состав Казанского ханства [Хакимов 2016: 4]. М.И. Ахметзянов отмечает, что башкирское сословие, сформированное государством из татар Южного Урала, получило привилегированный статус и противопоставлялось другим тюркским народам региона [Ахметзянов 2002: 208 – 213].

Можно ли принять утверждение казанских историков о том, что в XVI – XVIII вв. в регионе существовала тюркская этническая общность, разделенная государством на сословные группы? В какой мере справедливо замечание, что идентификация в восточном Приуралье имела исключительно сословный характер?

Поскольку Р.С. Хакимов и М.И. Ахметзянов не предложили своей трактовки понятия «сословия», будем исходить из его общепринятой интерпретации. Являлись ли башкиры XVII – начала XVIII в. особой социальной группой, права и привилегии которой определялись законом? Обзор общероссийского права XVII в. свидетельствует, что никакого особого законодательства, регулирующего права башкирского сословия не существовало. В Соборном уложении нормы, определяющие земельные права инородцев, не проводят никаких различий между татарами, мордвой, чувашами, черемисами, вотяками и башкирцами [Тихимров, Епифанов 1961: 188]. Более того, уфимские нормативные акты, регламентирующие сбор ясака, выделяют внутри башкир несколько сословных групп со специфическими обязанностями в отношении государства. К примеру, башкирские тарханы, получая освобождения от ясака, были обязаны нести постоянную личную службу. Башкиры, состоящие в сословии служилых татар, жаловались за службу государству поместьями и денежными окладами. Ясачные башкиры были обязаны платить ясак, исполнять подводную повинность и участвовать в общих походах российских войск. Башкиры – тептяри освобождались от платы ясака за владение родовыми вотчинными угодьями, но платили тептярский ясак. Таким образом, никакого особого башкирского сословия в XVII – начале XVIII в. не существовало.

Подведем предварительные итоги. В Уфимском уезде второй половины XVII в. – начала XVIII в. бок о бок обитали народы, имеющие представления об общем происхождении, говорящие на языках, различия которых были незначительны, и исповедовавшие одну и ту же религию. В какой степени близость по основным этническим признакам определяла направления межэтнического взаимодействия? Можно ли утверждать, что башкиры, ногойцы, татары, мишары, казахи и каракалпаки, проживая на одной территории, принадлежат к одной языковой группе, разделяя представление об общем происхождении, имели наиболее близкие этнические контакты?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к такой форме этнического взаимодействия как интеграция. В отличие от ассимиляции или аккультурации интеграция носит осознанный и, как правило, добровольный характер. Кроме того, этническая интеграция не означает полного вытеснения этнической самобытности у интегрированного этноса [Дугин 2011: 79].

Итак, в конце XVIII в. насчитывалось 121 башкирский род и 1693 родовых подразделений [Рычков 1999, Кузеев, 1974]. По нашим подсчетам, 173 родовых подразделений башкир (более 10 %) были образованы выходцами из 9 этносов. Однако по численности пальма первенства принадлежит калмыкам. Более того, калмыки даже образовали в родовой структуре башкир особое племя «Колмак». Всего же 43 родовых подразделения «колмак» были вклю-

чены в состав 37 башкирских родов. Следует отметить, что калмыки, интегрированные в структуры башкирских родовых подразделений, сохранили память о своем происхождении. Никакого мифа о каких-либо общих предках у башкир и калмыков не возникло. Таким образом, из множества этносов (тюркских, финно-угорских, монгольских, славянских) обитавших на территории Башкирии в XVII – начале XVIII вв. «своими» для башкир стали калмыки, которые не говорили на тюркском языке, исповедовали враждебную исламу религию (язычество и буддизм), сохраняли память о своем особом происхождении и к тому же являлись давними противниками башкир. Военные действия между калмыками и башкирами начались в начале 20-х гг. XVIII в. и продолжались до 20-х гг. XVIII в. Добавим к этническим различиям и социальные расхождения в развитии башкирского и калмыцкого обществ XVIII в. Башкиры не сакрализировали своих родовых вождей, у них отсутствовало деление на белую и черную кость, а все важнейшие вопросы жизни общества решались на народных собраниях – йыйынах. Попытки советских исследователей найти феодальную ренту в башкирском обществе не увенчались успехом. Калмыцкое общество времен степного уложения «Цааджин-Бичик» представляло собой довольно жесткое иерархическое общество во главе с тайшами, которые располагали собственностью и свободой простых общинников – албату. Даже в хозяйственном отношении башкиры и калмыки относились к разным кочевым сообществам – полукошачники и кочевники.

Что же препятствовало этническому сближению с башкирами родственных им народов – татар и мишарей? Простой и ясный ответ дал на этот вопрос в 1763 г. оренбургский губернатор Д.В. Волков, который указал на презрительное отношение башкир, посчитавших себя едва ли не дворянами, к своим работникам – казанским татарам¹. Дело в том, что пришлое население селилось на башкирских землях, что приводило их к разным формам экономической зависимости. Как отмечалось в докладе И.Г. Головкина 1719 г., пришлое население делало на башкир «всякую работу и землю пашут и сено косят»². К тому же, будучи полукошачниками, башкиры испытывали традиционную неприязнь к природным земледельцам – казанским татарам.

Появление казахов у южных границ башкирских земель совпало со временем с одним из самых крупных башкирских восстаний 1704 – 1711 гг., и некоторые предводители казахских родов и даже сам будущий хан Абулхайр активно принимали участие в сражениях с российскими войсками³. В 20-е гг. XVIII в. теснимые джунгарами казахи Младшего жуза начинают постепенно обживать нижнее течение Яика. Тем не менее, до 30-х гг. XVIII в. казахско-башкирские отношения ограничивались дипломатическими контактами глав родов. Дело в том, что для башкир степи за Яиком представляли исключительно промысловый интерес. Здесь они не кочевали, а охотились зимой на тарпанов. Казахи же занимали эти пастбища в летнее время, предпочитая на зиму откочевывать к Аральскому морю⁴. Так что ситуация почти повторяла исторический анекдот: «живем довольно близко, а не видимся».

На наш взгляд, проблема этнической идентичности не вполне обоснована

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2: Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем. М.: АН СССР, 1956. С. 457.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 199.

³ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа, Китап, 2002. Т. VI. С. 102.

⁴ История башкирского народа. Сборник документов и материалов. 1574–1798 гг. Уфа: Китап, 2012. Т.3. С. 180.

ванно сопрягается с устоявшимися в науке определениями этноса, точнее с той таксономией признаков этноса, которая присутствует в исследованиях С.М. Широкогорова, М. Вебера и Ю.В. Бромлей. В этом дискурсе в порядке иерархии выстраиваются основные признаки этноса, где на первом месте помещается этнический язык, вслед за которым идет вера в общее происхождение, а замыкает дефиницию комплекс этнических обычаев, традиции и культура. Вместе с тем, ключевым элементом этнической идентичности являются представления, которые формируются в процессе межэтнической коммуникации [Солдатова 1998: 67]. Очевидно, что выстраивание диспозиции «свой – чужой» не всегда обусловливается верой в общее происхождение, близостью языка или общим прошлым. Наиболее очевидным примером подобного утверждения являются башкиро-калмыцкие отношения XVII – начала XVIII в., представлявшие собой почти непрерывную череду военных столкновений. Тем не менее именно калмыки чаще представителей других этносов включались в престижную родовую структуру башкир-вотчинников. Война вполне сопрягается с этнической интеграцией, которая, как уже отмечено, носит добровольный и осознанный характер.

Статья публикуется при поддержке Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан (грант Фонда президентских грантов 19-2-022447).

Список литературы

Ахметзянов М.И. 2002. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа. – *Цивилизованные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации*. Казань: ФЭн, 317 с.

Бромлей Ю.В. 1983. *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 418 с.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 448 с.

Дугин А.Г. 2011. *Этносоциология*. М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 639 с.

Исхаков Д.М. 2002. Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья. – *Казанское ханство, актуальные проблемы исследования*. Казань: Изд-во «ФЭн», 320 с.

Идиатуллин А.К. «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья – *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 52. С. 71 – 90.

Карпов А. Б. 1911. *Уральцы. Исторический очерк. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550 – 1725 гг.)*. Уральск: Войсковая типография, 1009 с.

Киреев А. Н. 1970. *Башкирский народный героический эпос*. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 302 с.

Леви-Строс К. 1994. *Первобытное мышление*. М.: Республика, 384 с.

Кузеев Р.Г. 1991. Башкиры и ногайцы: этнографические взаимосвязи. – *Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды*. Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Терекли-Мектеб, С. 39 – 43.

Кузеев Р.Г. 1974. *Происхождение башкирского народа*. М.: Наука, 576 с.

Мудрак О.А. 2017. Хисамитдинова Ф.Г. *Кыпчакские языки Урало-Поволжья*. Астана: Ғылым баспасы, 164 с.

Рахимов Р.Н. 2014. *На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в.* М.: «РИСИ», 544 с.

- Рычков П.И. 1999. *Топография Оренбургская*. Уфа: Китап, 362 с.
- Солдатова Г.У. 1998. *Психология межэтнической напряженности*. М.: Смысл, 389 с.
- Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. 1961. *Соборное уложение 1649 года*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 444 с.
- Хазанов А.М. 2002. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс, 604 с.
- Хакимов Р.С. 2016. *История татар Западного Приуралья. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 464 с.
- Широкогоров С.М. 2001. *Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений* — Избранные работы и материалы. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, Кн. 1. 134 с.
- Шмитт К. 2016. *Понятие политического*. СПб.: Наука, 568 с.

AZNABAEV Bulat Ahmerovich, Dr.Sci. (Hist.), Head of the Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archeology and Ethnology, Bashkir State University (32, Zaki Validi St., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan; azbulatt@rambler.ru)

AHMADIEVA Diana Fanurovna, undergraduate in the second year of study in the history of the Institute of History and Public Administration of Bashkir State University. (32, Zaki Validi St., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan; akhmadieva_dianka@mail.ru)

FORMS OF INTERETHNIC INTERACTION IN THE UFA DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE 17TH – EARLY 18TH CENTURIES (Based on Materials of Clerical Work in the Prikaz)

Abstract. Ufa county of the second half of the XVII – early XVIII centuries – The territory is open for migration flows from all sides of the world. In many respects, the ethnic and religious diversity of the region was due to the voluntary nature of the Russian citizenship of the Bashkirs. For almost two centuries, the Bashkirs managed to maintain tribal self-government, patrimonial land tenure and freedom of religion in inviolability. In addition, the Ufa district was not included in the all-Russian system of protecting the southern borders of the state. Protection of the southeastern border was entrusted to the structures of the Bashkir militia. As a result, by the beginning of the XVIII century. 11 ethnic groups belonging to the Turkic, Mongolian, Finno-Ugric, Slavic language families professing Christianity, Islam, Buddhism and paganism settled peacefully and not quite peacefully on Bashkir lands. Households were just as diverse: from hunting and gathering, from classical nomadic and semi-nomadic farming to developed forms of agriculture. Since almost the entire territory of the Ufa district was declared the estates of the Bashkirs, migrants were forced to enter into legal and economic relations with the local population. These circumstances led to a wide range of interethnic interaction: from integration and assimilation to long-term interethnic conflicts. An analysis of various forms of interethnic communication shows that the familiar markers of ethnic identity (language, faith in a common origin, religion) did not play a big role in the assimilation or integration processes in the region. For example, it turns out that the Bashkirs more often integrated their military adversaries, the Kalmyks, into their tribal structures, rather than the Tatars and Mishars loyal to them. Bashkirs and Kalmyks did not coincide on more than one ethnic basis: different languages, religion, lack of myth of common origin, lack of historical experience living in the same territory. Even economically, the Bashkirs and Kalmyks belonged to different structures (nomadic and semi-nomadic). In social terms, the Bashkirs never had a division into white and black bones, and among the Kalmyks the power of the taishas over ordinary communes was completely despotic. At the same time, representatives of related ethnic groups (Tatars and Mishars), Bashkirs were less likely to integrate into their tribal structures due to the prevailing prejudice among nomads about settled agricultural peoples. In addition, the Tatars and Mishars in the Ufa district found themselves on the Bashkir patrimonial lands, which put them in various forms of tributary dependence. For this reason, tributaries and tributaries of tribute could not be integrated into one ethnic and social organism.

Keywords: Ufa district of the 17th century, Bashkirs, Kalmyks, Tatars, Mishars, markers of ethnic identity, ethnic interaction, integration, ethnic conflict

СЕЛИВАНОВ Александр Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина (119991, Россия, г. Москва, Ленинский пр-кт, 65, корп. 1; seliv21@mail.ru)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ И МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация: проводится анализ истории, достигнутых результатов и трендов развития стратегического прогнозирования в США; фиксируется западная методологическая платформа стратегического прогнозирования как синтез позитивизма, прагматизма и субъективного идеализма; обосновывается необходимость сочетания при разработке стратегического прогноза методологических, фундаментальных и прикладных исследований; демонстрируется потенциал материалистической диалектики для разработки отечественной методологической платформы при прогнозах периодических процессов, с учетом духовности социальных образований, путем разработки детерминистических и гармонических моделей, аппликативного метода, учета различий функционирования и развития

Ключевые слова: стратегический прогноз, организация, целеполагание, стратегическое управление, методология, метод, позитивизм, прагматизм, субъективный идеализм, материалистическая диалектика

Исследования будущего, его предвидение, прогнозирование наступления/ненаступления конкретных событий в конкретных объектах, управление будущим – остро актуальная научная проблема и практическая потребность человечества. Несмотря на имеющиеся основания для скепсиса, особенно в связи с сильной неопределенностью [Талеб, 2009], стратегическое прогнозирование все более широко используется в практике управления.

В России предпринимается попытка возрождения государственной системы стратегического управления и отдельные компоненты этой системы включены в нормативную правовую базу (стратегическое планирование, стратегическое прогнозирование, программирование), предпринимаются определенные организационно-управленческие усилия.

Научному сообществу понятно, что система стратегического управления не может существовать без научно обоснованной системы прогнозирования как своего органического компонента. Однако попытки на протяжении десятилетия дать научно обоснованный удаленный прогноз постоянно проваливаются, в том числе в 2017-2019 годах при попытке разработки прогнозов до 2030 и 2035 года. Возникшие серьезные и пока непреодолимые трудности в решении проблем разработки стратегического прогноза привели к тому, что на основе постановления президиума РАН от 27 июня 2018 г. №115 организован Научно-координационный совет РАН по проблемам прогнозирования и стратегического планирования в Российской Федерации и постановлением президиума